

СЕРАФИМА АПСАТАРОВА (Йошкар-Ола)

УПОТРЕБЛЕНИЕ ФОРМ МНОЖЕСТВЕННОСТИ В МИШКИНСКОМ ГОВОРЕ МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА

Грамматическими средствами выражения множественности в современном марийском языке служат суффиксы: *-flak*, *-šamâč*, *-la*, *-mât*, *-št*. Взаимозаменяемыми среди них являются только два — *-flak* и *-šamâč*. Имена существительные с данными суффиксами обозначают множество однородных предметов или лиц, или групповое, совокупное множество (Тужаров 1987 : 24), например: *Марий-влак семык пайремым пагалат* (Шадбар 5) 'Марийцы почитают праздник семик'; *книжка-влакем библиотекеыш вашталташ нангаем* (Шадбар 21) 'в библиотеку несую книги для обмена'. В диалектах встречаются варианты: *-flä*, *-lak*, *-šamâc*, *-šac*, *-šac*.

В мишкинском говоре распространен показатель множественности *-flak* и его варианты *-lak*/*-läk*. Показатель множественности *-flak* является также нормой лугового варианта литературного языка. Относительно его происхождения существует несколько мнений. Остановимся на наиболее верном, с точки зрения И. С. Галкиной, предположении — версии Г. Рамстедта (Галкин 1964 : 64), который считает показатель *-flak* по происхождению тюркским, восходящим к древнетюрк. *böläk* 'группа, отряд, орда'. Этот показатель в горном наречии имеет только одно звучание *-flä*, что также подтверждает его тюркское происхождение, так как и в древнетюркском он был с гласным переднего ряда. Заимствован показатель, очевидно, в весьма отдаленное историческое время, еще тогда, когда и в чувашском языке он выступал показателем множественного числа. По своему звучанию в отношении гласного марГ *-flä* древнее, чем марВ *-flak* (Рамстедт 1957 : 61). Древнетюрк. *böläk*, войдя в марийский язык, произносится по фонетическим законам марийского языка — из-за отсутствия в марийском языке фонемы *b* она заменилась сходной марийской фонемой *β*. По закону редукции гласных в безударном положении *ö* выпал. Конечный согласный *k* в горном наречии отпал, но сохранился в восточном наречии. В некоторых говорах восточного наречия, в том числе и в мишкинском, эмфатически выпал начальный согласный *β*: *pörtflak* > *pörtlak* 'дома' (Галкин 1964 : 64).

А. Аттин считает, что показатель *-flak* одного происхождения с марГ *pülä* 'много', которому соответствует фин. *paljon* 'много'. По его мнению, развитие этого показателя происходило следующим образом: начальный согласный *p*, оказавшись в интервокальном положении, перешел в *β* по закону озвончения глухих согласных в интервокальном положении и после сонорных гласных,

например: *jolþondo* 'мотовило' от *jol* + *pondo*; *salmaþondo* 'сковородник' от *salma* + *pondo*. Гласный *u*, оказавшись в безударном положении, редуцировался и выпал. Конечный согласный *k* является финно-угорским показателем множественного числа, он имеет соответствия в ряде финно-угорских языков, например, в венгерском и саамском (Аттин 1928 : 210).

Существует еще одно мнение о происхождении показателя *-þlak*: он восходит якобы к слову **pslsk* 'род, потомок, группа, племя, поколение', связан с современным словом *polko* 'группа, отряд' и имеет общее происхождение со вторым компонентом топонимических названий: *Шуйбеляк* (мар. *Шуйвлак*), *Ядыкбеляк* (мар. *Ядыкплак*), *Токтайбеляк* (мар. *Топкавллак*) и т.д. (Пенгитов 1957 : 87).

Нам представляется наиболее убедительным предположение А. Аттина.

Рассмотрим особенности употребления показателя *-þlak* и его вариантов *-lak*, *-läk* в мишкинском говоре марийского языка.

В восточном наречии данный показатель употребляется в разных значениях, основное при этом — обозначение множества однородных предметов и лиц. Примеры: *kanä-š kečäla-n ola-γäč ikšubuna-þlak dälä-š pörtölö-t* 'на выходные наши дети из города возвращаются в деревню'; *pasušto- mašina-þlak kudäläštä-t, šurnu-t šupšukta-t* 'на полях ездят машины, возят зерно' (д. Кайраково).

Кроме общей множественности, *-þlak* (*-lak/-läk*) в исследуемом говоре, передает групповую множественность, например: *tače- aþajla-k paša-γäč on-džčrak tolä-t* букв. 'сегодня мамы пораньше придут с работы' (д. Каргино), что соответствует значению 'сегодня мама и те, кто с ней, придут с работы пораньше'. В литературном языке для выражения такого же значения употребляется другой показатель (*-tät*), например: *таче авамыт паша гыч ондак-рак толыт* 'сегодня мама и те, кто с ней, придут с работы пораньше'.

В составе личного имени этот показатель, помимо выражения множественности лиц, объединенных одним общим именем, может обозначать коллективную множественность неоднородных лиц во главе с тем человеком, имя которого называется, например: *Mašala-k pohodä-š kaja-t* 'Маша и ее компания идут в поход' (букв. 'Маши идут в поход'). То есть он передает не группу лиц с одинаковым именем, а совокупность лиц, связанных с тем человеком, имя которого называется, родственными или какими-то другими близкими отношениями. В литературном языке в этом случае используется суффикс *-tät*: *Машамыт походыш каят* 'Маша и ее компания идут в поход'.

В кокшамарском же говоре показатель *-шамыч* вообще не употребляется, а заменяет его показатель *-мыт*: *шорыкмыт* 'овцы', *кайыкмыт* 'птицы', *пеледышмыт* 'цветы' (Иванов 1981 : 43). В лесном говоре горного наречия показатель *-мыт* тоже очень распространен. Он употребляется не только со словами, обозначающими родственные связи: *йолемыт* 'ноги', *кечемыт* 'дни', *моренымыт* 'зайцы' (Иванов 1981 : 82).

Аналогичное значение групповой множественности неоднородных лиц имеют термины родства в форме множественного числа: *izajla-k erla- šočtosurtušku-št tolä-n šuša-š ulu-t*. Сказанное можно понять двояко: 'мои братья завтра должны приехать в свой родной дом' и 'брат со своей семьей завтра должен приехать в свой родной дом'. Следует отметить, что у большинства терминов родства значение групповой множественности ярко выражено только в тех случаях, когда они выступают при именах собственных: *Al'a kokajla-k be-s jaläšte- ila-t* 'семья тети Али живет в другой деревне'. Здесь явно речь идет о семье тети Али, а не о тетях Алях. При отсутствии собственного имени трудно определить, какое значение имеет форма множественного чис-

ла. В зависимости от контекста она может обозначать членимую множественность однородных лиц или коллективную множественность неоднородных лиц, например, *izatβlak* 'твои старшие братья' и 'твой старший брат и те, кто с ним'.

В исследуемом говоре встречается и такое употребление показателя множественности *-βlak*, когда имена собственные, в частности имена людей, употребляются как нарицательные, например: *Satajla-k, d'eŋ semā-n āšta-š oye-š li-j il'e-mo* 'Сатаи, нельзя было что ли сделать как у людей?' (д. Баймурзино). *Satajlak* в данном случае имеет значение 'дураки'.

Существительные, которые служат названиями населенных пунктов, также могут употребляться в форме множественного числа. В этом случае они выражают не множество населенных пунктов с одинаковыми названиями, а групповую множественность лиц, проживающих в населенном пункте. Примеры: *Töŋyāklāk marla· muren-kušta-š d'örätä-t, βesela· ila-t* 'жители Төнтгака любят петь и плясать по-марийски, весело живут' (д. Иликово); *Ardašla-k tunemaša-k tārša-t, tenija-t šukuna-k tunema-š purenā-t* 'жители Ардаша стараются учиться, и в этом году многие поступили' (д. Иликово). В литературном языке такие собственные имена тоже могут употребляться в форме множественного числа: *Вочарма-влак тыманмешке чодырам вончат* (Орай 28) 'жители Вочармы быстро переходят лес'.

С суффиксом множественности *-βlak* (*-lak/-läk*) употребляются и нарицательные существительные, обозначающие местность, при этом они обозначают группу лиц, живущих в этой местности, например: *ülü-l mučāšla-k ere-tšaja-k lijānā-t, d'e-ŋ mutu-m kolāsttāmo·* 'живущие в нижней части деревни всегда были такими, непослушными' (д. Кайраково); *βe-s moyārlak kojāšla-n osal-ara-k ulu-t* 'живущие по ту сторону характером норовистее' (д. Каргино).

Подобное развитие значений в мишкинском говоре получают иногда нарицательные имена, служащие наименованиями учреждений, места работы, рода занятий, объектов действия. Примеры: *šudoβla-k βolāma·γāč kojā-č, a aβa-t ala-t uke·* 'сенокосцы вроде вернулись, а твоей матери все еще нет' (букв. 'сена вроде пришли, а твоей матери все еще нет'); *fermeβlakla-n tače· dočala-k koncertām āšta-t* 'работающим на ферме сегодня дети показывают концерт' (букв. 'фермам сегодня дети показывают концерт') (д. Чебыково).

Присоединение показателей множественности к вещественным именам существительным видоизменяет их лексическое значение. Такие существительные в форме множественного числа указывают не на множество отдельных экземпляров обозначаемого ими вещества (это невозможно из-за отсутствия у него членимости на отдельные экземпляры), а на его разновидности или нахождение в разных местах (емкостях, тарах), иногда на изобилие (Исанбаев 1980 : 13), например: *šādaylakā-m aβa-j bene· mešaklakā-š optošna·* 'мы с матерью пшеницу насыпали в мешки' (букв. 'мы с матерью пшеницы насыпали в мешки'); *unala· tol mā-št γobdā-m βareñālakām konda-t* 'когда приходят в гости, приносят варенье и еще чего-нибудь' (букв. 'когда приходят в гости, приносят варенья') (д. Чебыково).

В мишкинском говоре форму множественного числа с суффиксом *-βlak* (*-lak/-läk*) могут принимать и некоторые отвлеченные имена существительные, приобретая при этом конкретное, а иногда и переносное значение. Примеры: *d'ösö· βremala-k tolā-n šūā-č* 'наступили трудные времена'; *šuko· tür lö-pašāβlakām āšta-š βerešte· ilāme· kurumušte-m* 'много разных дел пришлось делать на своем веку'; *šuko· oγyoblakāma-t uža-š pernā-š* 'пришлось видеть много горя' (д. Камеево).

Особую группу отвлеченных имен существительных составляют названия явлений природы. В мишкинском говоре они могут принимать и форму множественного числа: *keçe-žâ-m d'ürfla-k çüčküdü-n lijebâ-št* 'летом частенько бывали дожди'; *kotšo- telân düštöfla-k kuža-š šoyâ-št* 'в прошлую зиму морозы стояли долго' (д. Рефанды). В этих случаях суффикс множественного числа употребляется для подчеркивания продолжительности или повторяемости обозначаемых явлений.

Употребляются с суффиксом множественного числа также собирательные существительные. При этом они или утрачивают значение совокупности, или обозначают множество совокупных групп, например: *keçe- šâze- belâ-š kaje-n, bol'âkflakâ-m poçe-n petâra-š küle-š* 'скоро осень, домашних животных нужно загнать в хлева' (д. Кайраково); *übüre-m, burçemflakâ-m kaštayâ-š poçe-n purto-, koškenâ-t* 'доченька, собери вещи, они высохли' (д. Каргино).

В восточном наречии, в частности в мишкинском говоре, встречаются случаи употребления форм множественного числа с именами существительными, обозначающими единичные предметы, например, с теми названиями частей тела и внутренних органов, которые человек или другое живое существо имеет в одном экземпляре: *kâbalemflak korštat* 'поясница болит' (букв. 'болеют поясницы'). Здесь имеется в виду не несколько поясниц, а одна поясница и другие части тела, которые прямо не называются, но несомненно подразумеваются (Исанбаев 1980 : 19): *oj-oj, šoyçemme- bele-š kâbalemfla-k koršta-š tüñalâ-č* 'ой-ой, под старость поясница стала болеть' (букв. 'поясницы стали болеть').

Наряду с этим в форме множественного числа могут употребляться также имена существительные, обозначающие названия парных частей тела и связанных с ними парных предметов одежды, обуви. Примеры: *nele- paša-m âšte-n, kidemfla-k koržâ-t* 'после тяжелой работы руки ноют'; *samârâke-m çodâ-m pâçketâšte- šuko- ludâna-m, sabla-n šinçamla-k alama-n užu-t* 'в молодости много читал в темноте, поэтому глаза плохо видят' (д. Бирюбашево). В литературном языке в таких случаях используется форма единственного числа: *кидем коршта* 'руки болят', *пижемым йомдаренам* 'варежки потерял'.

Таким образом, употребление формы множественного числа существительного не всегда связано с количественным различием предметов и с оппозицией единственного и множественного.

В сочетании с именами существительными, обозначающими не поддающиеся счету предметы (вещественные, отвлеченные, собирательные), а также со словами, обозначающими единичные предметы (собственные имена, названия единичных частей тела), формы множественного числа определенным образом влияют на семантику слов и сами при этом приобретают несколько иной оттенок значения.

Примеры показывают, что в мишкинском говоре употребление форм множественного числа распространено значительно шире, чем в литературной норме. Из марийских диалектов нечто подобное имеет место только в горном наречии. Н. И. Исанбаев считает, что расширение функции форм множественного числа в восточных диалектах марийского языка во многом явилось результатом влияния татарского и башкирского языков. В употреблении форм множественного числа имен существительных, обозначающих парные части тела и связанные с ними парные предметы, наблюдается влияние русского языка (Исанбаев 1982 : 42—43). Под влиянием соседних татарского, башкирского, русского языков носители мишкинского говора перестали употреблять марийские суффиксы *-mât, -la*. Вместо них шире используются теперь показатель множественности *-flak* и его варианты *-lak/-läk*.

Сокращения

Орай — Д. Орай, Чолга шұдыр, Йошкар-Ола 1973; Шабдар — О. Шабдар, Ўдырамаш корно, Йошкар-Ола 1975.

ЛИТЕРАТУРА

- Аттин А. 1928, К вопросу о происхождении суффиксации множественного числа в марийском языке. — Доклады Академии наук СССР, сер. В, № 10, Ленинград, 210.
- Галкин И. С. 1964, Историческая грамматика марийского языка. Морфология, ч. 1., Йошкар-Ола.
- Иванов И. Г. 1981, Марий диалектологий, Йошкар-Ола.
- Исанбаев Н. И. 1980, Особенности категории множественности имен существительных в восточномарийских говорах. — Вопросы марийского языка. Вопросы грамматики и лексикологии, Йошкар-Ола, 5—22.
- 1982, Роль языковых контактов в развитии категории множественности в марийском языке. — Проблемы русско-финноугорского двуязычия. Межвузовский сборник, Йошкар-Ола, 30—46.
- Пенгитов Н. Т. 1957, Формы числа имен и особенности их употребления в марийском языке. — ТМариИИ, вып. X, 77—89.
- Рамstedт Г. И. 1957, Введение в алтайское языкознание, Москва.
- Тужаров Г. М. 1987, Грамматические категории имени существительного в марийском языке, Йошкар-Ола.

SERAFIMA APSATAROVA (Joškar-Ola)

USAGE OF PLURALITY IN THE MIŠKINO DIALECT
OF THE MARI LANGUAGE

The article considers the usage of plural forms of nouns in the Miškin dialect of Mari. The collected material on the Miškin dialect is analysed and compared with the literary standard and also with the Hill Mari and Kokšamari dialects. The following conclusions may be drawn:

1. The usage of plural forms of nouns is not always connected with quantitative differences of objects or with the opposition singular vs. plural.
2. In the case of uncountable nouns (names of materials, abstract nouns, collective nouns) and also with words denoting single objects (proper nouns, names of parts of the body), the plural forms to a certain extent influence the meaning of words: they acquire some other shades.
3. In the Miškin dialect the usage of plural forms is spread considerably wider than in the literary standard.
4. Under the influence of the neighbouring Tatar, Bashkir and Russian languages the speakers of the Miškin dialect have stopped using the native Mari suffixes *-mät*, *-la*. Instead of them the suffix *-flak* and its variants *-lak*/*-läk* are preferred.